

О ФИЛОСОФСКОЙ РАБОТЕ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ

ON THE PHILOSOPHICAL WORK WITH LITERARY TEXTS

S. Nikolsky

Summary. Philosophic, as a characteristic feature of Russian classical literature, reflected in its constant attention to limiting the grounds of human existence — life and death, love and passion, hatred and grief, good and evil, happiness and unhappiness, the role in the earthly life of the Creator, human freedom. Working philosopher and researcher with artistic text consisting in clarifying and interpreting the meaning of these limits, has its own laws and characteristics. They consider the subject of this article.

Keywords: philosophy, literature, culture, meanings, values, interpretation, dialogue.

Никольский Сергей Анатольевич

*Д.ф.н., заведующий сектором философии культуры, Институт философии РАН
79031395614@yandex.ua*

Аннотация. Философичность, как характерная особенность русской классической литературы, выражается в ее постоянном внимании к предельным основаниям человеческого бытия — жизни и смерти, любви и страсти, ненависти и тоске, добру и злу, несчастью и счастью, роли в земной жизни Творца, свободе человека. Работая философа-исследователя с художественными текстами, состоящая в выяснении и интерпретации этих предельных смыслов, имеет свои закономерности и характерные особенности. Их рассмотрению посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: философия, литература, культура, смыслы, ценности, интерпретация, диалог.

Условием вхождения индивида в культуру является его способность постулировать свою принадлежность (идентифицировать себя) с определенными личностями и общностями, отождествлять собственные переживания, смыслы и ценности с теми, которые он находит в референтных группах. Такими группами индивид, как известно, определяет свой ближний круг, кого-то из современников, а иногда и из творцов, оставивших след в истории.

Механизм идентификации личности в культуре посредством диалога открыт М. М. Бахтиным, установившим, что авторское слово есть выражение «ценностной активности, проникающей в содержание и претворяющей его. Так, при чтении или слушании поэтического произведения я не оставляю его вне себя, как высказывание другого, которое нужно просто услышать и значение которого ...нужно просто понять; но я в известной степени делаю его своим собственным высказыванием...» [1].

Превращение слова другого в «собственное высказывание» — один из способов идентификации. В авторской речи, конкретизируют бахтинскую позицию С. С. Неретина и А. П. Огурцов, «любое высказывание (единица речи), по сути, направлено на провокацию ответа или вопроса со стороны лица, внимающего этому высказыванию. Оно является границей другого высказывания». Для возникновения такого рода речи «необходимо погрузиться одновременно в текст и в глубину самого себя, в самосознание, то есть мыслить не о культуре, а мыслить и жить культурой» [2].

Если говорить о диалоге как способе идентификации и средстве культурного развития личности на материале литературы, то помимо непосредственной работы идентификации, выполняемой читателем в процессе самопознания, нужно указать и на совершающуюся загодя или параллельно интерпретаторскую (от лат. *interpretatio* — разъяснение, истолкование) деятельность, которую выполняют интерпретаторы-профессионалы — литературный критик и литературовед. Помогая читателю глубже осмыслить произведение, вчувствоваться в него, они, если требуется, могут исполнить и идеологическую функцию, интерпретируя произведение в заданном извне, например, властью, ключе.

Общепризнанно, что философичность является характерной особенностью русской классической литературы, что выражается в ее постоянном внимании к предельным основаниям человеческого бытия — жизни и смерти, любви и страсти, ненависти и тоске, добру и злу, несчастью и счастьем, роли в земной жизни Творца, Демона, самого человека.

Конечно, такого рода внимание свойственно многим произведениям мировой литературы. Однако в русской классике есть отличительное. Во-первых, ее внимание к предельным вопросам непрерывно, развивается от творца к творцу, проявляется постоянно и потому может считаться существенной и характерной чертой. И, во-вторых, в этом явлении есть особенный русский смыслы и ценности, не свойственные другим культурам. К ним относится то, что именуется, например, «счастьем», «судьбой», «тоской» [3]. Смыслы эти,

по мнению филологов, являются специфически русскими, характерными именно для нашей лексики и национальной языковой картины мира и отсутствуют в других языковых картинах мира [4].

Возможно, высшим достижением отечественной классики XIX в. нужно признать участие писателей и поэтов в созидании того, что может быть названо национальным мировоззрением. О необходимости исследования этого феномена говорит, в частности, С.Л. Франк: «Национальное мировоззрение, понимаемое как некое единство, ни в коем случае, конечно, не является национальным учением или национальной системой — таковых вообще не существует; речь идет, собственно, о национальной самобытности мышления (Здесь и далее выделено мной.— С.Н.) самого по себе, о своеобразных духовных тенденциях и ведущих направлениях, в конечном счете о сути самого национального духа... Объект нашего исследования — не таинственная и гипотетическая “русская душа”, как таковая, а ее, если можно так выразиться, объективные проявления и результаты, точнее, преимущественно *идеи и философы, объективно и ощутимо для всех содержащиеся в воззрениях и учениях русских мыслителей*... Поскольку облечь в понятия внутреннее содержание национального духа и выразить его в едином мировоззрении крайне трудно, а исчерпать его каким-либо понятийным описанием и вовсе невозможно, мы должны все-таки исходить из предпосылки, что *национальный дух как реальная конкретная духовная сущность вообще существует, и что мы путем исследования его проявлений в творчестве сможем все-таки прийти к пониманию и сочувственному постижению его внутренних тенденций и своеобразия*» [5].

Предложенная Франком технология близка той, какую вслед за Платоном усматривал А. Ф. Лосев: «Все наши знания летают по воздуху независимо от нас, наподобие голубей. Мы должны затратить большие усилия для того, чтобы поймать этих голубей и поместить их в своей душе. Это будет значить, что мы приобрели те или другие знания, то есть при обрели голубей. Мы их имеем в своей душе. Но обладание этими знаниями, или голубями, еще не означает настоящего и полного знания; надо еще применить эти знания и извлечь их из души, где они могут находиться и не в виде настоящего знания, а в виде чего-то забытого и неиспользованного. Нужно произвести вторичную ловлю этих голубей, уже ловлю в пределах нашей собственной души. Находясь в нашей душе, они так же ускользают от нас, как они ускользали во время своего полета по воздуху. Значит, для приобретения настоящего знания нужно произвести эту вторичную ловлю и поймать, уже ловлю в недрах нашей собственной души.

И вот, когда эта вторичная поимка состоялась, только тогда мы действительно владеем приобретенными знаниями и действительно пользуемся ими в жизни» [6]. Уловление голубей-смыслов, голубей-ценностей в мире — авторском тексте в том числе, равно как и уловление их в собственной душе — что это как не интерпретация?

Задачу «понимания и сочувственного постижения» национального духа как существенной части «национального мировоззрения» нельзя не считать философской, что, естественно, определяет участие в интерпретации русской классики, наряду с литературоведом и литературным критиком, исследователя-философа.

Что же представляет собой интерпретация, как она возможна и насколько допустима? На мой взгляд, для понимания этого процесса важны прежде всего понятия «раскрытие» и «трактовка», включающие обнаружение и выделение в авторском тексте заложенных в нем ценностей и смыслов, равно как и наделение его ими, которое совершает субъект в диалоге с автором. Как интерпретация совершается?

Процесс раскрытия произведения предполагает максимально полное проникновение читателя в сюжетно-событийный и образно-метафорический состав текста, в его содержание в том виде, как оно представлено автором. Читателю необходимо понять и прочувствовать всю совокупность деятельностных отношений героев между собой и с миром, заложенных в произведение автором. Более того, поскольку деятельность не является исчерпывающим основанием существования человека, а сами ее цели определяются присущими ему идеалами, ценностями и мотивами, то и они, сделавшись предметом авторского внимания, включаются в содержание произведения и подлежат раскрытию.

У раскрытия есть границы. Одна из них проявляется в невозможности понять, как посредством художественного творчества смыслы и ценности входят (оказываются) в сознании писателя или поэта. Давно замечено, что источники авторского творчества, в особенности, в периоды так называемого вдохновения, раскрытию не поддаются. Близкие Осипа Мандельштама на вопросы о том, как поэт сочиняет стихи, говорили о его «подслушивании» стихов, о том, что их ему будто бы кто-то нашептывал. У Анны Ахматовой в момент рождения стихов было «бормотанье». У Александра Блока, по его свидетельству, поэзия возникала из музыки, из слышимых им музыкальных звуков [7–9]. И разве не о непознаваемости источника поэзии говорит в «Пророке» Пушкин?

*«...И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье» [10].*

Посредством особым образом устроенного слуха, способности внимать звучанию «высших сфер» гении поэзии доставляют на землю то, что поведало им небо. Это похоже на божественные сутры, приходящие во сне пророку Мухаммеду, которые он записывал после пробуждения.

Раскрытие, то есть уловление, осмысление, фиксация и формулирование того, что автор вложил в содержание произведения — начало его постижения. И поскольку с этого момента начинается диалог автора и читателя, то возникает и интерпретация.

Интерпретация как понимание того, что замысливается автором, есть в то же время надление в процессе диалога первичного авторского понимания читательскими смыслами и ценностями. Интерпретация автора читателем есть акт свободы и, значит, творческий акт. Здесь тот же процесс, который имеет место в художественном чтении, в написании режиссерского сценария, в исполнении актерской роли, в создании и исполнении музыкального произведения. Так, композитор задумывает и кладет замысел на ноты. Исполнитель по-своему его раскрывает и интерпретирует. И, наконец, слушатель по-своему слышит, раскрывает и интерпретирует обоих.

В понимании интерпретации важным является вопрос не только о ее принципиальной допустимости, но и о возможных пределах. Вопрос этот не может быть решен универсальным образом, поскольку каждый конкретный случай творческого диалога автора и читателя уникален. Иногда интерпретация не выходит за границы авторского текста. А иногда, используя его лишь как повод, расширяет предмет далеко за пределы произведения.

При этом, уникальность в каждом случае определяет не только свою «количественную меру», горизонт интерпретации, но и состав профессионалов-посредников и читателей-интерпретаторов, вступивших в ди-

алог. Так, если предположить, что автор затрагивает «последние вопросы» человеческого бытия, то о нем самом начинают говорить как о философствующем авторе или даже, как, например, в случае Льва Толстого или Достоевского, об их собственной философии. Вероятно, что в таком случае среди интерпретаторов будет больше исследователей-философов и они потеснят литературных критиков, которые в лучшем случае нацелены на интерпретацию философско-литературных произведений с точки зрения актуальных, текущих общественных задач. Это, конечно, не исключает, что среди литературных критиков есть и те, кто работает «на поле» и методами исследователей-философов.

Следующим шагом (этапом) в процессе интерпретации является трактовка и говорится о ней прежде всего в связи с раскрытием. Как мне представляется, в процессе интерпретации-диалога при раскрытии смыслов и ценностей, которыми обладают автор, с одной стороны, и читатель, с другой, акцент делается на максимально полном извлечении содержания из того, что было заложено в произведение автором. И читатель хотя и дает волю своей свободной трактовке, но все же, как якорем, сдерживается авторскими смыслами и ценностями. Напротив, на этапе трактовки, якорная цепь рвется, авторское содержание лишь пунктирно намечает свободное движение читательской интерпретации, но не сдерживает его, передавая решение о направленности и степени свободы (вольности) трактовки на читательское усмотрение. И если не бросать судно на волю волн без руля и без ветрил, то следует озаботиться сохранением связи между раскрытием и трактовкой, что определяется читательской и профессиональной посреднической компетенциями, вкусом, культурой².

В приведенных рассуждениях я исходил из того, что будто бы имеется нечто, написанное автором однозначно и только при восприятии этой однозначности читателем или посредником-профессионалом возникает интерпретация. Вопрос, однако, более сложен. Так, в предмете русского мировоззрения мы имеем дело не просто с неоднозначным продуктом, но, вообще с тем, что автор сконструировал, интерпретируя явления действительности, и выдав свое представление о нем за результат. То есть, процесс интерпретации как раскрытия и трактовки имеет место

² Ведущую роль на этапе трактовки играют воображение и фантазия читателя и профессионала-посредника. Это, однако, тема специального исследования. В данной работе я лишь пытаюсь обосновать легитимный статус свободной интерпретации, что по отношению к исследователям-философам далеко не всегда признается литературоведами и литературными критиками и часто отбрасывается ими как не имеющее связи с авторским текстом, придуманное.

не только в работе читателя, но и при создании текста автором. Этот феномен, рассмотренный на примере работы историка по созданию исторического факта, описал Ю. М. Лотман.

Автор «Семиосферы» начинает с рассмотрения процесса создания исторического текста. Историк, описывающий свое время, имеет дело с одним из многих современных ему событий, из которых выбирает одно и придает ему значение. Создавая этот текст, он должен прежде всего прибегнуть к интерпретации, то есть вписать рассматриваемое событие в весь возможный, современный ему, спектр интерпретаций и использовать ту, которая представляется ему значимой. Проходит время и другой историк берет в руки составленный ранее документ.

Лотман приводит пример с находкой в 1945 году в Верхнем Египте текста, в котором говорилось о том, что Иисус отказался участвовать в дележе имущества. Анализируя документ, историк — читатель мог выбрать прямое и символическое толкование (интерпретацию) слов Спасителя. В первом случае — это был отказ от участия в деле «не от мира сего». Во втором — образ разрастающегося в мире зла, связанного с разделением, противостоящего благу — соединению. Но обе эти интерпретации оставляли за рамками рассмотрения, по крайней мере, еще одну возможную интерпретацию — мизансцену и жесты. Отказываясь, Иисус стоит спиной к ученикам и говорит, обращаясь к вопрошающему его, а далее, заключая ответ («Да не стану я тем, кто делит!»), поворачивается к ученикам, придавая своим словам сокровенно-таинственный смысл. Поэтому, делает заключение Лотман, если для естественных наук факт — это первооснова, позволяющая вскрывать закономерности, то для истории и вообще сферы культуры «факт является результатом предварительного анализа. Он создается наукой в процессе исследования и при этом не представляется исследователю чем-то абсолютным» [11]. То есть, факт — это, во-первых, результат интерпретации его автора и, во-вторых, результат дальнейшей интерпретации ученого.

С «фактами культуры», которые содержатся в текстах философствующих писателей³, в которых затрагиваются представления о первоосновах человеческого бытия, вопрос не менее сложен. И сложность проис-

текает не только из интерпретации, но и из идентификации.

Идентификация — явление длящееся, сопровождающее развитие личности и потому предполагающее и включающее в себя процесс интерпретации. Если интерпретация возможна без последующей идентификации, то идентификация без интерпретации не бывает. Процесс отождествления себя с кем-то или чем-то без принятия нового внутрь и, следовательно, без корреляции вновь принятого с уже имеющимся, невозможен. При идентификации происходит переделка отдельных элементов (в пределе — всей структуры) сознания, строя эмоций, того, что называется внутренним миром личности.

Причины для запуска процесса идентификации могут быть двух родов. Первый, связанный с имманентным личностным развитием индивида, возникает в связи с логикой изменений конкретного человека. Он может запускаться на короткий период времени, а может быть длительным, вплоть до постоянного.

Второй род идентификации личности зависит от внешних для индивида общественных изменений. Так, объявление отмены крепостного права или Октябрьский переворот запустили процессы новой идентификации больших социальных групп российского общества. Тот же процесс имел место в России в 90-х годах XX в. Для прояснения того, как интерпретация создавала возможность, а отчасти и вынуждала к новой идентификации в недавний, после распада СССР период, воспользуюсь материалом, предоставляемым романной прозой И. С. Тургенева.

* * *

Сразу следует уточнить, что романная проза классика могла потребовать новой интерпретации и послужить материалом для новой идентификации только тех людей, кто эти произведения читал и, говоря бахтинским языком, вел диалог с автором «Отцов и детей». Вместе с тем, эта выборочность не отменяет возникшую общественную нужду в новой идентификации людей, не знакомых с Тургеневым, и, соответственно, их потенциальную потребность, обращаясь к культуре, опереться на адекватную интерпретацию.

В отличие от имеющихся в отечественном литературоведении и литературной критике устойчивых стереотипов толкования (интерпретации) сюжетов, идей и героев шести романов Тургенева («Рудин» — 1856 г., «Дворянское гнездо» — 1859 г., «Накануне» — 1860 г., «Отцы и дети» — 1862 г., «Дым» — 1867 г., «Новь» —

³ Здесь уместно привести еще одно наблюдение Лотмана относительно историков, поскольку оно в полной мере относится к писателям: «Историк не наблюдает события, а получает их пересказы в виде нарративных источников. Но даже когда он сам является наблюдателем того, что описывает..., он все равно превращает в уме свои наблюдения в словесный текст, поскольку он передает не то, что увидел, а свою рефлексию над тем, что увидел, пересказывая виденное».

1877 г.), в рамках предлагаемой мной интерпретации прежде всего следует сформулировать мысль о возможности взглянуть на эти тексты как на целостное развернутое авторское высказывание. При этом, в созданной Тургеневым галерее образов я формулирую новую интерпретацию в форме ответа на вопрос: «Как возможно в России позитивное дело?» и в качестве интерпретатора — исследователя философии вступаю в полемику с дореволюционными и советскими интерпретаторами. Каковы же мои основания для спора?

Как интерпретатор, имеющий собственное представление о новых общественных запросах, сформировавшихся в российские девяностые, мне важно опровергнуть прошлые интерпретации тургеневских произведений и показать, что новая интерпретация не придумана, а имеет действительные основы в содержании отечественной литературной классики. Выражаясь кратко, я пробую заменить господствовавшую в советские времена интерпретацию. Согласно ей, до Октября российское общество представляло собой собрание «мертвых душ» и «лишних людей», среди которых искрами в XIX в. возникали платоны каратаевы («Война и мир» Л. Толстого), а в начале XX в. павлы влазовы («Мать» М. Горького), время полноценной жизни которых пришло с победой Октября. Вот какого рода интерпретация мной предлагается и вот какие связанные с ней образы-примеры создают возможности для новых идентификаций.

У Рудина, главного героя одноименного первого тургеневского романа, при всей его болтливой бездельности, писатель отмечает наличие характерной особенности, нужной для человека, настроенного на масштабные преобразования — ораторского таланта, способности воодушевлять слушателей. Однако, к сожалению, этим его способность к делу и исчерпывается. Ни одного практического свершения за Рудиним не значится. Но герой этот — первая исходная точка в поднятой писателем теме позитивного дела.

Образом Лаврецкого («Дворянское гнездо») Тургенев начал в русской литературе разговор о частной жизни не «лишнего», а «уместного», образованного, рационального, нравственного и, что особенно важно, хозяйственно успешного [12, 283] человека, чем сделал еще один шаг в раскрытии темы на материале семейной жизни. Следует отметить и подмеченную автором важную черту, объединяющую Рудина и Лаврецкого, — их воспитанность Западом. Позже по этой признаку к ним примкнул Берсенев и Шубин («Накануне»), Литвинов («Дым»), Соломин («Новь»). Похоже, для поставленного автором вопроса о позитивном деле такого рода опыт обязателен.

Романные герои следующего тургеневского романа «Накануне» — болгарин Инсаров и его возлюбленная Елена обсуждались публикой не только в связи с текстом произведения, но и в дебатах интерпретаторов — литературных критиков. Полемизируя со сторонниками теории «малых дел» Н. А. Добролюбов восклицал: «...Что же им делать тут, в этом (нашем. — С.Н.) обществе? Перестроить его на свой лад? Да ладу-то у них нет никакого, и сил-то нет. Починивать в нем кое-что, отрезывать и отбрасывать понемножку разные дрязги общественного устройства? Да не противно ли у мертвого зубы вырывать, и к чему это приедет?» [13]

Добролюбовскую позицию развивали советские литературоведы. В теоретической статье П. Г. Пустовойта читаем: «Добролюбов связывал появление русских Инсаровых с осуществлением революционных идеалов. Для либерала Тургенева русский Инсаров мог быть просто умеренно-прогрессивным деятелем. Для Добролюбова русский Инсаров — это революционер» [14]. Напомню, что революционность Добролюбова и созданных в его время литературных героев была необходима советским литературоведам для подтверждения правоты ленинской теории о «трех классах», «трех поколениях, действовавших в русской революции» [15].

Вообще, критика «постепеновцев» как характерной черты прозы Тургенева была непререкаемым каноническим советской интерпретации. «Силы Инсарова, — подчеркивал Ю. В. Лебедев, — питает и укрепляет живая связь с родной землей, чего так не хватает русским героям романа... И Берсенев, и Шубин — тоже деятельные люди, но их деятельность слишком далека от насущных потребностей народной жизни» [16]. У Тургенева Берсенев ученый, а Шубин живописец. Не по этой ли причине постулируется их удаленность от «насущных потребностей народной жизни»?

В логике заочного спора Тургенева — Добролюбова, по мнению революционного критика, оказывается, что счастье, как однажды высказался о нем К. Маркс, в борьбе⁴. Тургенев же сомневается в абсолютной ценности этого человеческого занятия. Впрочем, следует отметить и сходство их позиций. Оба верили в то, что в России ожидается появление «новых людей». Одним из них и стал герой следующего романа Тургенева — разночинец Евгений Базаров.

⁴ Свою статью «Когда же придет настоящий день?» Н. А. Добролюбов завершает словами: «Он (Инсаров. — С.Н.) необходим для нас, без него вся наша жизнь идет как-то не в зачет, и каждый день ничего не значит сам по себе, а служит только кануном другого дня. Придет же он наконец, этот день! И, во всяком случае, канун недалек от следующего за ним дня: все-го-то какая-нибудь ночь разделяет их!». Добролюбов Н. А. Цит. соч. С. 378.

Как согласуются идеи и ценности «русских Инсаровых» с самосознанием мыслящего слоя, в первую очередь — дворян-помещиков, либералов, в том числе? На эти вопросы не было ответов и труд дать таковые взял на себя Тургенев романом «Отцы и дети». Произведение это — первый в отечественной философско-литературной мысли публичный мировоззренческий диспут либералов с революционными демократами, а также первый роман-предостережение против революционного нетерпения.

Базаров, как отмечают литературоведы, списанный с Добролюбова и Чернышевского тип преобразователя, явил России пока еще мирный способ изменения общества. Его невинная суть — в идеологическом уничтожении (отрицании) части основополагающих, но «отживших» культурных ценностей и идей.

Тургеневский Базаров не революционер. У автора, на мой взгляд, есть отчетливые указания на то, что его нигилизм и демократизм — вещи конъюнктурно-показные и используется лишь для того, чтобы, перевернув общественную пирамиду с ног на голову, самому оказаться на вершине. По большому же счету, нецивилизованность Базарова к демократизму никакого отношения не имеет. Демократическое общество складывается не у дикарей, а у свободных экономически независимых личностей. В свою очередь, для появления таковых, важны как раз образование, просвещение и их преемственность, которые и олицетворяют собой братья Кирсановы, Аркадий, Одинцова. Поэтому Базаров, будь его воля, смог бы построить лишь очередную самодержавную деспотию, так хорошо известную в России.

К счастью, тотальное российское раздолбайство (у уездного лекаря ланцеты тупы и нет «адского камня», хотя и работает он в зоне тифозной эпидемии) в данном случае выполняет роль защитной реакции: «новый человек» гибнет от яда мужицкого трупа. И этот сюжетный ход обнажает перед нами не базаровский нигилизм, игрушечный по большому счету, а настоящий — великий российский нигилизм как отрицание культуры во всех ее проявлениях, включая культуру профессиональную. «Вы, господин Базаров, хотели торжества нигилизма, так извольте получить», — примерно так мог бы звучать вынесенный герою приговор. И потому-то нам и жалко этого несимпатичного грубияна, что гибнет он не от своего потешного «отрицательства», а от столкновения с действительным чудищем — диким российским бытием, ни в грош не ценящем жизнь человека.

Такую интерпретацию конфликта «старого» и «нового» в контексте разработки темы «Как возможно в Рос-

сии позитивное дело?» не могли принять сторонники революционного преобразования действительности. Они, например, честно не замечали, что суждение Базарова о Николае Петровиче Кирсанове как о человеке, живущем «ленивой жизнью помещика», — только часть правды. А другая в том, что в молодости Николай Петрович честно служил и что сын Николая Петровича, Аркадий, хозяйственные дела в отцовском имении поправил, «сделался рьяным хозяином и «ферма» уже приносит довольно значительный доход» [12, 331].

Хотя следующий роман «Дым» появился после «Отцов и детей» только спустя шесть лет, одна из ведущих его линий, намеченная в «Отцах», — линия творческого усвоения русским обществом западных ценностей, в новом романе была продолжена. Год от года общественно-политическая ситуация в стране накалялась. Однако понимания выхода из кризиса не было. Революционные демократы все более склонялись к тому, чтобы любыми средствами спровоцировать крестьянскую революцию. Либералы и западники настаивали на необходимости утверждения в России хозяйственной и общественно-политической системы, основанной на собственности, экономической эффективности, свободе и правах человека. Славянофилы же были обуреваемы чувством ложно понятой национальной гордости, старались измыслить некий особый русский путь. Главный акцент делался на попытке обосновать российскую «особость», включая всемирно-историческую миссию русского народа, якобы назначенную Творцом⁵. Эта замешанная на верноподданничестве казуистика не на шутку раздражала убежденного западника Тургенева, который видел в дворянах не столько реакционеров, сколько строителей будущей России.

В отличие от предыдущих романов, в которых главные персонажи делаются настоящими товаро-производителями лишь в финале, герой «Дыма» помещик Литвинов — хозяин уже сформированный, завершающий заграничную командировку, в ходе которой он прилежно изучал технологии сельскохозяйственного производства. Решение «учиться с азбуки» на Западе к нему пришло не от скуки, а от желания поставить в России эффективное производство, принести пользу землякам, а, может быть, и всему краю. «Великая мысль осуществлялась понемногу, переходила в кровь и плоть: выступил росток из брошенно-

⁵ Такая позиция вообще была довольно типичной для общества середины XIX в. Познакомившись в этот период с Толстым, Тургенев к своему удивлению обнаружил в нем человека, который с удовольствием играл роль не только завсегда цыганских кабаков и солдафона, но и пламенного общественного трибуна, видевшего спасение России в немедленном и полном разрушении европейской цивилизации. К тому же, рекомендуя себя в качестве либерала, Толстой накануне реформы все еще оставался на стороне крепостников-собственников. *Лебедев Ю.* Цит. соч. С. 101, 125.

го семени, и уже не растоптать его врагам — ни явным, ни тайным. Сам Литвинов хотя и кончил тем, что отдал большую часть земли крестьянам исполу, т.е. обратился к убогому, первобытному хозяйству, однако кой в чем успел: возобновил фабрику, завел крошечную ферму с пятью вольнонаемными работниками, — а перебивало их у него целых сорок, — расплатился с главными частными долгами... И дух в нем окреп...» [17, 161].

После отмены крепостного права революционно настроенная часть российского общества стала пробовать силы в низовой работе с крестьянством: возникло «хождение в народ». Общим для всех народников была уверенность в неизбежности революции, в особой роли общины, в возможности обойти капитализм стороной.

Отдавая должное самоотверженности революционеров, Тургенев, тем не менее, придерживался глубоко продуманных либеральных позиций, о чем и заявил романом «Новь». Текст предваряется эпиграфом о том, что целина, «новь» требует от земледельца не работы сохой, которая лишь «царапает» землю, а глубоко забирающего плуга. В письме А.П. Филосовой автор высказывался четко: «Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего здорового развития, разложения и сложения», теперь «Базаровы не нужны», а, напротив, «нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою без всякого блеску и треску... Что может быть, например, низменнее — учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т.д.» [18].

В «Нови» Тургенев не только первым в русской литературе поставил вопрос о содержании народнической идеи⁶. Современного читателя, знакомящегося с описанными в произведении эпизодами хождения в народ, не оставляет чувство алогичности происходящего. Глубина непонимания народом «хожденцев» доходит до абсурда: так, в ответ на страстные лозунги, выкрикиваемые Неждановым в толпе мужиков, крестьяне, ничего не поняв, лишь замечают: «сердитый барин». Впрочем, почти все романские герои-народовольцы в успех дела не верят. Но, тем не менее, в соответствии с инструкциями действовать пытаются. Отчего так?

На этот вопрос, на мой взгляд, имеется три ответа. Первый вытекает из логики шести книг эпопеи. Продвигаясь от романа к роману, читатель постепенно осознает, что вековой конфликт между крестьянами

и помещиками может быть разрешен только переходом хозяйственных отношений на новый уровень, который бы окончательно отменил систему господства — подчинения. Возникшие в системе российских общественных связей совсем недавно земельная крестьянская собственность и их личная свобода как основания и фундаментальные нормы социальной жизни для своего закрепления нуждались в каждодневных конкретных воплощениях. Вместе с тем, интуитивно ощущая близость появления новых хозяйственных и общественных форм и ошибочно связывая их с якобы имеющимися у общины потенциалами социальной справедливости и экономической эффективности, народники надеялись своим «хождением» их «разбудить», и тем избежать ужасов первоначального капитализма.

Второй ответ о причинах действий «хожденцев» связан с самой их природой. Достигать цели «будоражить народ», постепенно приучая его к возможности новых, глубоко «спящих» бунтовщических форм поведения, на эту заведомо провокаторскую деятельность могли подвигнуться лишь люди особого типа — «мутанты-маргиналы», не нашедшие места в нормальной жизни. Вспомним мужеподобную Машурину с ее тоскливой безответной влюбленностью в Нежданова, полные безнадежности откровения физического уроды Паклина или недалекость, заполошность и хроническую неудачливость Маркелова⁷.

И, наконец, третий ответ, имеющий отношение к части народников, связан с благородным порывом, личным нравственным намерением. В «Нови» порыв олицетворяет Марианна, тургеневский тип русской девушки, которая, узнав о революционной задаче, за решение которой взялся ее возлюбленный, тут же решается жертвенно помогать ему.

Но безнадежность дела народников укрепляется и с противоположной стороны — качеством тех крестьян, на которых они рассчитывают, а найти сочувствующих революционной агитации нельзя. Неутешительный диагноз о готовности крестьянства к революционным действиям подтверждает тургеневский «человек дела» управляющий фабрикой Василий Соломин: «Мужики? ...Кулаки только свою выгоду знают; остальные — овцы, темнота». Но Со-

⁶ В этом он безусловно предварил романы Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского.

⁷ Вот какую характеристику дает ему Тургенев: «Маркелов был человек упрямый, неустрашимый до отчаянности, не умевший ни прощать, ни забывать, постоянно оскорбляемый за себя, за всех угнетенных, — и на все готовый. Его ограниченный ум бил в одну и ту же точку: чего он не понимал, то для него не существовало; ...Хозяин он был посредственный: у него в голове вертелись разные социалистические планы, которые он также не мог осуществить». *Тургенев И.С.* Собр. соч.: В 12-ти томах. Т. 4. М., 1976. С. 231.

ломин не равнодушен к народным бедам. Он обнаруживает серьезное негодование, когда слышит о несправедливости в суде, о притеснениях рабочей артели [17, 264–265]. Соломин, чья судьба и жизненные занятия сильно отличаются от героев — «хожденцев», не может договориться с ними и по предполагаемому революционному делу. Что же он за человек?

Управляющий — сын дьячка, преуспевший в изучении математики и механики настолько, что получает возможность в течение двух лет пополнять образование в Манчестере. Возвратившись из капиталистической Англии в феодальную Россию, Соломин как западник отчетливо видит ошибочность не только славянофильских рецептов, но и рекомендаций народников. Для практика Соломина очевидна бессмысленность «хождения в народ». Нужна постепенная легальная работа с «низамы» — через школу, больницу, судебную защиту. Но все же главное лекарство труд. В его разговоре с Марианной Тургенев обозначает деятельность как универсальное средство не только против воспитанных иноземным владычеством и крепостничеством традиционных русских «болячек» — лени, вялости, скуки, но и против революционного зуда, нового недуга. Марианне он говорит: «А вот вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь доброму научите; и трудно вам это будет, потому что не легко понимает Лукерья и вас чуждается, да еще воображает, что ей со-

всем не нужно то, чему вы ее учить собираетесь; а недели через две или три вы с другой Лукерьей помучаетесь; а пока — ребеночка ее помоеете или азбуку ему покажите, или больному лекарство дадите ... По-моему, шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва, и большая жертва, на которую немногие способны» [17, 360–361].

* * *

Представленная интерпретация шести романов Тургенева в форме последовательно разворачивающегося в текстах ответа на вопрос «Как возможно в России позитивное дело?», как мне представляется, сделалась актуальной и возможной в ответ на российскую общественную атмосферу 90-х годов прошлого века. Запрос на свободу, личностную активность, самостоятельность и самодеятельность был тем «духом времени», которым прониклось общество, отказавшееся от коммунистического эксперимента. Новая идентификация вызвала потребность в новых интерпретациях доставшегося нам в наследство культурного багажа. И для решения этой задачи оказались востребованы не только профессиональные интерпретаторы — литературоведы и литературные критики, но и исследователи-философы, предложившие свое видение проблем. Насколько новая интерпретация окажется верной, востребованной, насколько будет подходить для новой идентификации, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. 1975. СС. 58–59.
2. Неретина С. С., Огурцов А. П. Время культуры. СПб. 2000. С. 253.
3. Порус В. Н. «Бытие и тоска: А. П. Чехов и А. П. Платонов». Вопросы философии. 2014, № 1.
4. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 452–460.
5. Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 163.
6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 3. <http://www.psyoffice.ru/9/lose003/txt21.html>
7. Никольский С. А. «Поэт и Власть. (Заметки о восприятии Осипом и Надеждой Мандельштам «времени большевиков)». Философия и культура. 2013, № 6;
8. Никольский С. А. «Голос и молчание. Анна Ахматова». Философия и культура. 2014, № 6;
9. Никольский С. А. «От «Незнакомки» до «Христа». Звучание Александра Блока в отечественной литературе». Философия и культура. 2015, № 9
10. Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. М. 1981. Т. 2. С. 86–87.
11. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 338.
12. Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. Т. 2.
13. Добролюбов Н. А. Избранное. М., 1985. С. 370–371.
14. История русской литературы XIX века. 40–60-е годы. М., 2001. С. 267.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 21. С. 261.
16. Лебедев Ю. Жизнь Тургенева. Всеведущее одиночество гения. М., 2006. С. 393.
17. Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти томах. Т. 4. М., 1976.
18. Труайя Анри. Иван Тургенев. М., 2005. С. 290–291.